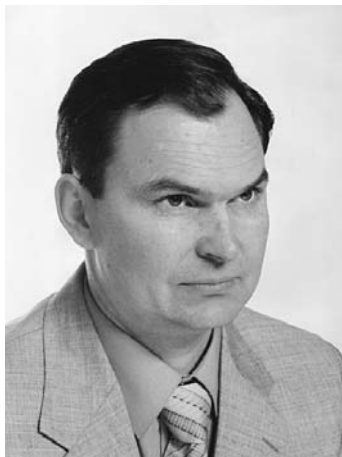

АНДРЕЙ БЕЛОЗЁРОВ

СЫН

РАССКАЗ

В Раздельной принимали беженцев из Приднестровья. Выдавали бумаги с солидными печатями на временное поселение. Спросом пользовались базы и лагеря отдыха у Черного моря. Но сладких пряников, известно, на всех никогда не хватает...

В сумятице первых дней приднестровского конфликта Украина на южное дармовое жительство отправила скопом тираспольчан, прибывших с большими чемоданами и баулами. Когда же на станцию начали прибывать опаленные *настоящей* войной бендерчане с ошпаренными взорами и тощими узелками, большинство южных мест было уже занято. Администрация приграничного района только беспомощно разводила руками, предлагая беженцам до распоряжений из областного центра кантоваться на вокзале. (А может быть, из Киева ожидали резолюции: дело-то затратное, ведь расселить всех обездоленных из Приднестровья на коммерческие койко-места с соответствующим содержанием — на это нужны ресурсы). Но денежное вспоможение на первое время и полевую кухню Раздельнянская администрация, слава богу, несчастным предоставляла без проволочек.

Отведав из огромного солдатского котла, выставленного в самом центре Раздельной, в сквере у железнодорожного вокзала, наваристой гречневой каши с мясом и запив дымным компотом, Галя посмотрела на мирно сопяще-

---

БЕЛОЗЁРОВ Андрей Борисович родился в 1966 году в г. Бендеры Молдавской ССР. Учился в Кишинёвском институте искусств и педагогическом институте. Окончил Высшие литературные курсы в Москве. Проза печаталась в журналах "Кодры", "Молдова литературная", "Московский вестник". Член Союза писателей Приднестровья. Живёт в г. Бендеры.

го на скамье шестимесячного Егорку, укутанного в белоснежные, выданные в эвакуационном пункте, пеленки.

— В Затоку поеду! — азартно выпалила она, упруго и звонко отбив ладошками по своим коленям дробь (так делала когда-то ее мать в судьбоносные моменты).

— Не дури, милочка! Оставайся здесь. Здесь и люди добрые. С голоду не помрешь.

— Куда ты с ребенком искать приключений? Ясно же сказали: на побережье мест нет! — наперебой стали отговаривать Галю две землячки, которые сами собрались двинуть в московском направлении к российским родственникам.

— Ничего. Потеснятся... Война делает людей ближе, — сказала в ответ Галя.

И действительно, в те несколько дней, пока мост через Днестр, магистральное направление, ведущее на Тирасполь и дальше на Украину, контролировала развязавшая бойню молдавская военщина, бендерчане, оказавшись в плотном кольце, лишённые продовольствия, проявили себя по-братски друг к другу. Свиристая стихия войны сплотила страждущих. Будто наперекор всему, люди стали добрее, мягче душой... Делились последней краюхой хлеба, отдавали одежду и лекарства чужим людям.

Но не только гуманизм и добродушие сограждан *родной* Украины влекли Галю в Затоку. Даже совсем не гуманизм и добродушие граждан... Егорка — у него есть отец! Он в Затоке!

Подали состав на Москву.

Вагоны жуткие, товарные, в которых, должно быть, перегоняли недавно скот из какого-нибудь хуторского хозяйства на мясокомбинат в Одессу — с перекладной между скрипучих дверей, в точности напоминающие теплушки сороковых годов. Но и этому составу люди радовались, рвались в него, оттирая невольно друг друга локтями, чтоб выбраться в Россию или куда-нибудь в Белоруссию.

Галя помахала рукой своим землячкам.

“Ничего. Обычная давка. Не война...”. Ей на миг вспомнилось, как при первых разрывах мин и снарядов она вместе с оголтелой толпой, в надежде укрыться, кинулась в ближайший универсам, где стеклянные витрины и пластиковые перегородки тут же разлетелись от разрыва вдребезги, убивая и ранив тех, кто искал укрытия. И ее, и Егорку спасло какое-то чудо.

Вспомнив это, у Гали невольно выступили на глаза слезы. Она рукой смахнула их, разметала по щекам соленую влагу, хотела было взглянуть на себя в зеркало, но за косметичкой не полезла... После того, как шальная пуля угодила в трюмо, дав разлапистую трещину, Галя редко смотрелась в зеркало, чего-то мистически опасаясь. Нет, она была не робкого десятка, стихийно жизнелюбива и не особо разборчива в бабьих приметах, но зеркала как-то побаивалась. Вместо зеркала смотрела в глаза сыну — там, в первозданных озерцах, узнавала всю правду о себе...

Скоро она мчалась на электричке в Одессу.

Накормленный Егорка спал, укачанный дорогой. Галя глядела в окно, вспоминала о *нем*. Только о *нем*. Иногда она нагибала голову к Егорке, чтобы в чертах сына увидеть черты *его*.

...Он жил в Затоке, а познакомились они с Димой в Одессе. Он спортсмен. Потом приезжал к Гале в Бендеры, только к ней ли, а может, на соревнования, — она так и не поняла. Тогда, в Бендерах, она сказала Диме:

— Кажется, я беременна.

— От кого? — усмехнулся настороженно Дима.

— От Одессы, — рассмеялась Галя, но в этом смехе была безусловная серьезность.

Он сделал вид, что не понимает ее.

На Диму она зла не держала. Сама согласилась нести крест матери-одиночки, как в свое время ее мать, которая не поставила нечаянного “папашу” в известность...

Мать умерла, когда Гале исполнилось восемнадцать. Галя рано выстрадала самостоятельность в поступках и суждениях, ей даже казалось, что и матери понравился бы ее *поступок*, — ее славный Егорка.

Ничего, обойдемся без главы семейства, без “сильных личностей”, которые почему-то настроены на какой-то подвох со стороны любящих их женщин. Как будто от мужчин не стоит ждать подвоха, опасности или беды?!

Приднестровская катастрофа все перевернула в сознании. За годы мирного социализма люди отвыкли думать об ужасах физических лишений, о войне; “холодная” война не в счет. А тут вдруг, разом... Панически гудели, казалось, ни с того ни с сего заводские сирены, раздалась взрывы, побежали обезумевшие люди в подвалы, в укрытия. На улицах — танки, ощеренные черными дулами...

Галя все последние дни и ночи несла эту *утробную* тревогу, — “тревогу” гражданской обороны, потому что сама видела воочию, как бомбардировщик гулко и низко прошел над городом и сбросил свой смертоносный груз, чтоб разбомбить мост через Днестр, — единственный мост, по которому беженцы Бендер могли перебраться к *своим*. Должно быть, силы небесные отвели бомбы от цели. Мост выстоял. Но стекла от взрывной волны в ближайших домах повывлетали начисто, да и людей многих припечатало к стенам невиданной иноприродной силой.

В Одессе Галю удивила *безмятежность*. Никаких беженцев, никаких людей в пятнистой форме. В Одессе люди были веселы и остроязыки, но они как будто не знали цены жизни. Они говорили, казалось, о мелочном, думали нестерпимо обывательски... Галя не видела в их глазах тяги к жизни, к жизни как таковой... Тот, кто изведаль мало-мальски войны, хоть день один или всего только ночь, понимает, что есть жизнь как таковая... Потому что чуть-чуть вкусил от некоего горького плода *небытия*.

А тот, кто вкусил, не будет так спокойно и вальяжно рассуждать о футболе, о новых босоножках, о рецепте приготовления фаршированной рыбы.

“Они как дети, настоящие дети”, — снисходительно думала Галя, крепче прижимая к груди Егорку, который хоть и мал, но уже тоже вкусил от *небытия*.

Вместе с тем здесь, в Одессе, далеко от взрывов, на Галю хлынули сентиментальные воспоминания ярких дней и бессонных головокружительных ночей, на побережье, возле желанного Черного моря. Здесь, в Одессе, мысли о Диме стали острее, глубже. Ведь встреча с ним все ближе...

— Ну, дальше поехали, Егорка! — подмигнула Галя сынишке, который щурился от ласкового черноморского солнца.

До отправления электрички на Затоку оставалось время. Гале уж очень хотелось отведать сияющее белизной — после дымного и черного неба Бендер, после законченных термосов и фляг полевой кухни — мороженое. Может быть, мороженое тоже придаст ей одесскую безмятежность?

Она сидела в привокзальном сквере и с удовольствием ела мороженое. Потом покормила грудью Егорку. В какой-то момент словно вихрь налетел: надо ли ехать в Затоку? Ведь Дима не объявлялся, не звонил даже... Надо! Была не была. Да больше и некуда ехать! В Бендерах — война, дом полуразрушен, ни электричества, ни воды, ни газа, ни целых стекол в рамах.

Под мерный перестук колес и безмятежные виды одесских окрестностей Галя вспоминала свою жизнь. Вот уж двадцать два года ей — и много, и мало... Была совсем недавно школьницей, дружила с мальчишками, многие из которых добивались ее внимания, работала на разных работах, ни к какой профессии накрепко не прикипела. Но вот война закончится, и обязательно устроится в детский сад. Вместе с Егоркой туда пойдет... Где-то рядом с этими утешительными и вместе с тем тревожными мыслями витала надежда на Диму. Может, уготована не только судьба матери-одиночки?

Впрочем, в любом случае стоило поехать в Затоку. Ребенку полезна иодистая вода и морской воздух. Егорка и так уж натерпелся, отошал. Какое там молоко от всех этих гуманитарных макарон и рыбных консервов, ведь

оно вмиг сворачивалось, когда Галя сцезивала остатки после очередного кормления.

Война застала Галю среди бела дня на центральной улице, по дороге в ближайший универсам за продуктами. Как ни странно, хлеб и другие продукты ей удалось купить уже под свист пуль... А когда бежала домой с сумкой, прижимая к себе Егорку, видела, как на улице, почти рядом с ней, падают от осколков люди, а универсам, из которого они с Егоркой только что выскочили, обрушился всеми своими стеклянными витринами.

Машинально шептала: “Спаси, Господи!” и наконец-то добралась под защиту своей двухкомнатной квартиры на втором этаже, оставшейся ей после смерти матери. Типовая хрущевка стояла рядом с набережной, в благоприятном месте для жизни и отдыха уютного старинного городка. Сюда, к благоухающей клумбами, редкими видами деревьев и кустарников набережной стекались люди, делились новостями; здесь же проводились политические митинги.

Но маленькая крепость “свой дом” к веречу стал ходить ходуном — начался обстрел. Не конкретно по дому, но снаряды ложились под самые окна. Стекла лопались от взрывной волны, трескались, дзенькали от выстрелов снайперов.

Потом артобстрел сменился авианалетом — стало еще страшнее: бомбардировщики норовили взорвать мост, по которому еще вчера, даже нынче утром, шли безмятежные люди!

А тут (Галя увидела это в окно) двое здоровенных мужиков в пятнистом обмундировании — не поймешь, свои или чужие? — завопили срывающимися голосами. Один тянул другого по асфальту, тот был ранен, окровавленными руками держался за живот — кровавая дорожка чертилась из-под него. И вдруг выстрел. Какая-то дикая сила крутанула здорового мужика и снесла с ног. Теперь они оба лежали на асфальте, оба в крови, оба стонали. Его срезал снайпер, который прятался *всюду*... О том, что это был снайпер, Галя поняла чуть позже, когда над ее головой просвистела пуля и ударила в домашнее зеркало. Оконное стекло мелким колючим крошевом осыпало Галю. На зеркале — аккуратное отверстие, размером в копейку, с раскинувшимися в разные стороны лучиками.

— Э-э! — от изумления вымолвила Галя, осмотрела Егорку, не упал ли осколок в кроватку. И теперь уж по собственной квартире передвигалась, будто вор... — прячась, пригибаясь, таясь...

Потом по улице двинулись какие-то уродливые танки на резиновых колесах. Из башен у них торчали пулеметы. Вдруг хлопок — и первый в колонне танк будто споткнулся, объялся огнем, словно опрокинули на него ванну с полыхающим горючим. Враз застрочили, казалось, со всех сторон пулеметы — хотелось заткнуть себе уши и разорвать на части тех, кто не давал спать сыну...

Егорка, к счастью, в эти горячие дни вынужденного заточения вел себя примерно, не капризничал, несмотря на крайние трудности быта: домовая кухня не работала, кормящая мать перебивалась хлебом, консервами, водой, да и кроватка Егорки изменилась; Егорку пришлось переместить в ванную, и не просто в ванную, а в чугунную ванну, утеплив ее одеялами.

...Электричка замедляла ход. Егорка не спал. Был чрезвычайно оживлен: мычал, плакал, старался что-то схватить руками и потащить в рот.

— Потерпи. Скоро устроимся. Все наладится... Улю-лю, улю-лю!..

Улицы Затоки были запружены людьми. Популярный курортный поселок переполнен беженцами и торговцами. Пряные дымные запахи шашлыка, разваристой кукурузы... Однако не только женщины, дети и старики, но и крепкие мосластые загорелые мужчины сновали повсюду, копошились возле автомашин с приднестровскими номерами. Галя смотрела на них с недоверием. Именно такие и будут доказывать России и Украине, что делать с Молдовой. Мнение таких, как она, простых матерей-одиночек никто не услышит. Вечно мужики “играют” в политику, спекулируют на истории, кого-

то подстрекают к войне... Ведь здесь, в Затоке, она видела тех, кто собирал граждан на митинги и демонстрации. А теперь? Они, казалось, играют на нужде и бесправии!

Она шла и нечаянно слышала разговоры, реплики, мужиковские рассуждения.

— Остается опасение, что прорвутся в Тирасполь войска Молдовы.

— Бендеры стоят насмерть. Не пропустят!

— Жара под сорок, а трупы с улиц не убраны...

— Пока Россия не вмешалась, румыны-то, глядишь, празднуют...

— Если б только Россия решала... На все теперь разрешение Штатов требуется.

Коммерсанты с автоприцепов торговали всякой всячиной, крепкие, загорелые, смеющиеся.

— Чего хочешь, красавица? Все есть!

Галя решила, что сперва устроится куда-нибудь с Егоркой. Непременно устроится сама. А уж потом покажется на глаза Диме. Она шла с Егоркой по центральной улице Затоки. Здесь по обе стороны — входные порталы в базы отдыха. Куда бы Галя ни заходила:

— Мест нет!

— Нет мест!

— Давно уже никаких мест нет!

И пятая попытка найти себе, как беженке, койко-место, и десятая — все безрезультатно.

Галя пришла в администрацию Затоки. Глава администрации беженцев не принимал, принимал его заместитель. Это была коренастая, ярко накрашенная, с выбеленными волосами женщина, к которой и стремились нахлынувшие из Приднестровья беженцы.

— Мы с сыном из зоны бедствия... Нам бы койко-место, — сбивчиво говорила Галя, ей почему-то казалось, что казенное слово “койко-место” действует на чиновницу.

— Мест у нас нет! Возвращайтесь в Раздельную, — отвечала чиновница. — Там хоть накормят. Малышу подгузников выделяют... А если он здесь у вас заболел?... Завтра к нам из Киева санэпидемстанция с проверкой приедет... Где направление?... Как без направления? Чего ж вы тогда сюда приперлись?... И вообще, кто вы такая? Чем докажете, что беженка? Может, так, у моря поваляться захотелось?

Уже через минуту Галя была за порогом администрации. В полном опустошении взглянула вдоль пыльной улицы с пятнами тени от деревьев.

— Какие проблемы, дамочка? — кинул ей парень в темных очках, который курил недалеко от входа в администрацию

— Мы из Бендер. Беженцы. Устроиться бы где-то. Хоть ненадолго, — отвечала по накатанной Галя.

— Были б деньги...

— Разве здесь беженцев — за деньги?

— Кого-то без денег, а кого-то за... Украина дала вам неделю халявного постоя, — а вышло как? Не хотят съезжать до полного разрешения военного конфликта.

— И сколько ж стоит на базу отдыха?

Парень назвал сумму. Для уточнения добавил:

— Меньше чем на декаду никто и разговаривать не будет. И оплата вперед.

— Таких денег у меня нет... Может, дальше по побережью что-то найдется дешевле?

— Дешевле только в камышах на лимане, — ответил парень.

Почти на всех калитках домов, что были ближе к берегу, висели таблички: “Комнат нет”, “Жилье не сдаем”, “Мест нет”, “Посторонних просим не беспокоить”.

“Может, все-таки к Диме? — подумала Галя. — Чего таить? Чего ждать?”

— Ты откедова, дочка? — окликнула Галю старушка в белом тугом

платке, взглядом окинула Егорку на ее руках и ее вместительную сумку — через плечо.

— Из Бендер, бабушка.

— Из Бендер? — переспросила старушка. — Там, где стреляют?

— Да, — ответила Галя.

— Я войну пережила, — сказала старушка.

— Я тоже...

Старушка усмехнулась.

— Да разве ж там у вас война? Вы войны-то еще толком не видели... — Она подняла глаза на Галю, спросила всерьез: — Страшно было?

— Страшно... За сынишку страшно. Воды не было... Пеленки не постирать...

Гале вспомнилось, как в бендерской горячке, когда в доме ни воды, ни газа, ни электричества, она с ворохом белья в потемках пробиралась к Днестру, чтобы постирать. Егорку она оставляла спящим в ванной, а сама — к реке. А если не вернется, если ее подстрелят, взорвут? Конечно, она предупреждала соседей, что уходит. Но думать о смерти было противно и невозможно, невысказанно. Как же так, кто-то выстрелит из пулемета, или шлепнется мина, и Егорка, ее сын, останется сиротой?!

У реки она всегда заглядывалась с надеждой на противоположный берег, — туда, где были *свои*... Когда, когда все это кончится? Кто укротит этих румын? По Днестру и проходила линия фронта. А решающий бой за мост, соединяющий берега реки, был еще впереди.

Иногда, если шла стирать ранним утром, в поле зрения Гали на том берегу реки попадали группы людей в пятнистой форме с автоматами в руках, перебегающие от одного яблоневого ряда к другому, от ложбины, бурно поросшей ивняком, к бетонным укреплениям берега. Ей, несведущей ни в каких военных хитростях, становилось понятно: к мосту стягиваются силы, скоро разразится что-то решительное и судьбоносное. Метров четыреста разделяло их — русло Днестра, но она чувствовала неразрывную связь с теми, кто был за рекой: пригибается, тяжело бежит в амуниции; они самые дорогие сердцу люди, будут спасать осажденный город, прогонят врага восвояси, на Запад.

В те минуты ей вспомнились фотографии сорокового года из краеведческого музея, куда всем классом ходили на экскурсию по истории родного края. На фото был запечатлен левый берег в районе городского пляжа: пограничные столбики с гербами страны Советов и воины, взирающие строго на румынский тогда предел, город Бендеры. И вот сейчас будто бы фотографии ожили: солдаты короткими перебежками занимают позицию у моста. “Роденькие, вы должны победить! Должны! Днестр вам поможет...”

Тут припоминалась из школьной программы красивая легенда. Солдаты Екатеринбургской армии, раненные при взятии Бендерской крепости, входили в воды Днестра, чтобы излечить малые раны. Они входили в воду, омывали себя и выходили на берег исцеленными...

Потом в Бендерах грянул бой. На помощь разрозненным и обескровленным отрядам ополченцев и казаков в Бендеры вошли регулярные приднестровские войска. Несколько танков были, наконец, по решению российской армии, дислоцировавшейся в Тирасполе, переданы в руки гвардии Приднестровской Республики.

С левого берега Днестра шла помощь. С правого берега били из броневых орудий и пулеметов окопавшиеся молдавские вояки. Самые смелые из осажденных жителей выглядывали в окна, чтоб увидеть бой... Гале тоже не терпелось хоть краешком глаза взглянуть, что там, на мосту, происходит. Но она не могла ни на минуту отлучиться от Егорки, пережидая бой в ванной. Она не могла рисковать сыном! И наконец-то душераздирающий вой мин, посылаемых с “румынской” стороны, прекратился, а с моста понеслось стремительное, победное “Ура!”.

Галя, не зная настоящих молитв, тем не менее молилась за *своих*. И вот наконец-то гвардейцы, казаки и ополченцы рвались спасать Галю с Егоркой с победным кличем.

— Ура-а-а-а! — вторила и Галя, а Егорка, радуясь, тоже пытался помочь и гулил, и что-то выкрикивал, вроде “Уа-а-а-а!”.

...Старушка привела Галю к небольшому дому с застекленной верандой.

— Тут племянник мой живет. Скажи, что я тебя привела. Он пустит. На веранду. — Скупая на речи, старушка кивнула головой, попрощалась: — Храни вас бог... Здесь войны нету. Его Николаем зовут.

Галя перепеленала на крыльце дома Егорку, покормила его. Мир не без добрых людей! Улыбнулась солнцу. Почувствовала приятный ветерок с моря.

Николай был толстый и лысый, лет сорока мужик, подвыпивший, веселый и проворный. Галя быстро ему все объяснила, он тут же пригласил ее в дом, тут же пригласил выпить с ним “по стаканчику”.

— У меня ж ребенок, — возразила Галя.

— Ребенок не помеха! — рассмеялся Николай, задернул шторку на окне. — За знакомство, так сказать. Чтоб жилось хорошо.

Она чуть пригубила из стакана вина. Николай выпил весь. Выпил и тут же приобнял Галю, как старую знакомую.

— Это не надо. Я ведь не просто так прошусь, за деньги. У меня есть немного...

— Деньги мне как раз не нужны... — льбился Николай. — Чего ты ломаешься-то. Под одной крышей, так сказать... — И он обнял ее крепко, насильно, горячо дохнул перегаром и дикой мужицкой страстью в лицо.

Галя укусила насильника в плечо. Николай взвизгнул, оттолкнул ее.

— Вот дура! Дура и дура!

Она думала, что он сейчас крикнет: пошла вон отсюда! Но Николай не крикнул. Держался за укушенное плечо, о чем-то думал. Возможно, старуха тетка, которая привела Галю на постой, не давала ему крикнуть: “Пошла вон!”

— Ты чего, с цепи, что ли, сорвалась? Кусаться-то?

— А вы чего? Тоже с цепи сорвались? Сразу да и лапоть...

— Ладно, погорячились, — буркнул Николай. — Перекангүйтесь пока дня три у меня. На веранде. Там видно будет. — Он исподлобья, хитро взглянул на Галю. — Может, и помягчаешь?

— Может, и помягчаю, — сухо ответила Галя, понимая, что сейчас идти в штывки с хозяином — не резон.

— Вот и устроились, — шепнула Егорке Галя, когда осмотрелась на веранде в доме у Николая. — Теперь к морю! Грязь дорожную смыть.

Ей стало радостно, как было в первые дни после освобождения от “румынского” ига...

Она подхватила Егорку — и скорее на берег.

По ракушкам и мелкой гальке она с Егоркой шла вдоль кромки воды. Небольшие волны набегали на ее босые ноги, ласкали, приглашали искупаться. Галя высматривала себе место под ивовыми зарослями, так чтобы Егорка мог посидеть в тени, играя с перламутровыми ракушками, которые ему уже приглянулись, а она окунется в приветливом для всех-всех людей море...

У Гали не было купального костюма, она решила, что искупается в халате. Можно бы и нагой. Ведь еще недавно, казалось, совсем вчера, они с Димой купались без единой нитки одежды под луной в море, а потом грелись у костра и целовались. Как давно это было! Теперь она женщина-мать...

...Галя почти каждую минуту думала о Диме, представляла встречу, готовила какие-то слова. Но она никак не ожидала, что встретит Диму здесь. Сейчас, на пляже! Так неожиданно!

Она увидела его и оторопела. Совсем рядом, у машины, в тени, под ивой. Дима рылся в багажнике. Потом он захлопнул крышку, направился к открытой дверце машины, где в салоне сидел еще один человек, по-видимому, его приятель. Но тут-то он и увидел Галю с ребенком на руках. Получилось так, словно она шла к нему, искала его — и наконец-то нашла.

Сердце Гали, казалось, остановилось. Даже Егорка почувствовал напряжение матери, замер, лежал, широко открыв глаза. “Неужели почувял отца?” — промелькнуло в ошарашенном мозгу Гали, когда взглянула на сына.

Дима сперва, вероятно, изумился встрече, потом что-то стал как будто подозревать, потом — как будто что-то стремительно анализировать, высчитывать, прикидывать.

На какую-то крошечную секунду в Гале вспыхнула надежда: сейчас Дима всё без объяснений поймет, увидит ребенка и сжалится над ней: подхватит малыша и примет Галю в объятия. Наконец Дима, казалось, стал весь черным от злости.

— Гагина! — скривились его губы. — Все-таки родила! Теперь в нос мне ребенка тычешь? Специально приехала?

— Нет! — испуганно проговорила Галя. — У нас там... в Бендерах...

— Да плевать на ваши Бендеры! — истерично выкрикнул Дима. — Чего вы сюда претесь? Советский Союз кончился! У вас там... — Он, вероятно, хотел еще что-то выкрикнуть, бросить упрек, но с отчаяния ударил кулаком по крыше своей машины и быстро сел в салон. — Приехала, сука!

Это было последнее, что услышала Галя от бывшего возлюбленного. Машина взвыла, сизый дым выхлопа вырвался из трубы, песок полетел из-под колес.

Егорка безумно радовался морю. Он барахтался, шлепал руками по воде, поднимая брызги. Он и Галю тянул в воду — искупаться. Иногда Егорка внимательно смотрел на мать, словно сопереживал ей. А потом опять тянул ее к морю, ласковому морю. И как будто говорил:

“Мама, не бойся, я с тобой! Все будет хорошо! Здесь войны нет!”

Галя плакала. Во время бендеровской войны она часто забывала плакать.